

Г. О. КВИТКА - ОСНОВЬЯНЕНКО.

Историко-литературный очеркъ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ исторіи нашей словесности впервые замѣтнымъ образомъ начало обнаруживаться то стремленіе къ самостоятельному движенію на почвѣ національныхъ интересовъ, которое съ половины того-же вѣка сдѣлалось господствующимъ и основнымъ. Это начальное стремленіе выразилось въ сознаніи принципа народности, который, по словамъ Пышина, и сталъ лозунгомъ палей литературы съ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Уже въ то время ясно понимали, что какъ ни велики характеры героевъ античной поэзіи, какъ не гениальны классическія созданія французской словесности, тѣмъ не менѣе намъ русскимъ интереснѣе и полезнѣе наблюдать характеры собственной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ.

Уступка однако подражанія оригинальному не обошлась безъ борьбы, прикрытой даже своего рода ложнымъ стыдомъ.

Говорять, что Мерзляковъ, внутренне признавая высокое достоинство произведеній Пушкина, не рѣшался говорить о нихъ въ такомъ-же духѣ публично; когда-же оставался съ ними наединѣ, проливалъ слезы восторга. Таково было положеніе вещей: вѣянія времени говорили одно, усвоенный-же формализмъ требовалъ совершенно другаго.

Принципъ народности съ теченіемъ времени возросъ до такой степени, что Бѣлинскій говоритъ о народности въ такихъ выраженіяхъ: „Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почтить его современники или потомки, состоятъ въ словѣ народный поэтъ“. Это обращеніе къ народности было общерусскимъ;

оно сказалось и въ Малороссіи, для которой, надо замѣтить, оно не было такъ ново, какъ для сѣвера; но Украина должна отмѣтить это время, какъ годину своего возрожденія: утратившая при Екатеринѣ II-й послѣднюю тѣнь своей нѣкогда самостоятельной жизни, она уже близилась къ тому, чтобы окончательно потерять быльи, отличающія ея исторію черты. Теперь въ ней начинается снова энергичная общественная и литературная жизнь; этому, какъ справедливо замѣчаютъ, содѣйствовали между прочимъ слѣдующія обстоятельства: открытіе университета въ Харьковѣ, возвышеніе этого города, какъ центра сѣверной Украины, и появленіе двухъ выдающихся писателей малорусской литературы—Г. О. Квитки и Т. Г. Шевченка.

Данилевскій говоритъ: „Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украины, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ гоявились разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ; рядомъ съ этимъ вошли въ моду литературные вечера; въ салонахъ вліятельныхъ особъ стали собираться для чтенія профессора, студенты и вообще любители просвѣщенія, между ними бывалъ и Основьяненко“.

Характеристика личности этого писателя, со стороны его убѣжденій и идеаловъ, и послужить предметомъ настоящаго очерка.

Отмѣчать именами дѣятелей страницы исторіи и жизни тѣмъ выгоднѣе и удобнѣе, что въ образѣ и нравственномъ складѣ этихъ дѣятелей часто можно черпать все содержаніе переживаемаго ими времени. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ исторіи русской литературы, какъ выразительницѣ мнѣній и въ тѣсномъ смыслѣ того времени, когда русское слово въ его поэтической формѣ стремилось къ самостоятельному развитію. Не признавая исключительности въ общерусскомъ вопросѣ, Г. О. Квитку-Основьяненку мы почитаемъ какъ одного изъ самыхъ типичныхъ представителей названнаго времени нашей литературной исторіи.

Былъ споръ, который Добролюбовъ называетъ старымъ, о томъ, возможна-ли малорусская литература, или нѣтъ. А Бѣлинскій спрашивалъ: есть-ли въ Украинѣ своя литература?

Такая постановка вопроса вызываетъ новый вопросъ: при

какихъ-же условіяхъ возможна литература вообще? Очевидно, что и тотъ и другой критикъ разумѣютъ литературу художественную, а поэтому, оставляя въ сторонѣ поэзію устную, мы сводимъ вопросъ на обстоятельства историческаго развитія народа, съ одной стороны, и на выработку того языка, который называется литературнымъ, съ другой. Въ такомъ случаѣ можно пользоваться положеніями уже готовыми.

Отличительной чертой духа малорусскаго народа было стремленіе къ особности, къ нѣкоторой, можно сказать, замкнутости.

Съ давнихъ поръ Малороссія, раскинувшаяся на плодородной равнинѣ южной Россіи, стремилась къ сохраненію своего абсолютизма, плохо воспринимая стороннее вліяніе; она знала только сама себя, у ней была собственная, роскошно воспѣтая въ поэзіи рѣка—чудный Днѣпръ, около котораго связалась цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ преданій, рассказовъ и дѣйствительныхъ событій. Она имѣла свой собственный государственный центръ, свою столицу—Кіевъ, который былъ первопрестольнымъ средоточіемъ древняго русскаго міра; она имѣла знаменитую Сѣчь, что-то въ родѣ гнѣзда, гдѣ коренились во всей чистотѣ оригинальныя способности малорусскаго духа; Малороссія наконецъ имѣла и своихъ особыхъ враговъ и особую форму съ ними расправы; она грудью защищала свои вѣрованія, въ которыхъ тоже было что-то особое. Поставленная или, лучше сказать, замкнувшаяся въ такое положеніе Малороссія естественно должна была въ устныхъ сказаніяхъ создать свою особую словесность, и такая словесность дѣйствительно создалась—она носитъ свой особый колоритъ, свою мелодію въ пѣсняхъ. Жизнь южной Россіи всегда была ближе къ своей природѣ, къ своему національному, хотя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій ей приходилось переживать невзгоды, причиняемыя иноземными владычествами. Еще не изгладились въ народѣ впечатлѣнія отъ татарскаго разгрома, какъ юго-западная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы и Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ выноситъ и тяжелое вліяніе іезуитовъ и униі, которые затрогивали и религіозные вопросы. На защиту этихъ вопросовъ долженъ былъ выходить на ряду съ воиномъ книжникъ. Поэтому вмѣстѣ съ козачьей удалью здѣсь зарождалась работа другаго рода—книжная, серьезная умственная дѣятельность. „Въ это время, говоритъ Прыжовъ, въ южной Руси совершается

необыкновенно замѣчательное явленіе: церковь и гражданинъ соединяются въ одно; монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козаки дѣлались монахами. Монахи благословляли козаковъ на битву, они-же святили ножи и въ тоже время запорожець шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали исторію, занимались поэзіей.

*Тимъ-то и сталась по всему світу
Страшенная козацкая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля и дума єдина!...*

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кievскомъ митрополитѣ Петрѣ Могила¹⁾.

Въ эту пору Малороссія значительно выше стояла московской Руси; она могла высылать своихъ учителей на сѣверъ и въ числѣ ихъ по вызову Москвы въ 1649 году отпустила туда Елифанія Славенецкаго, которому поручено было школьное и переводческое дѣло. Такимъ образомъ въ кипучей, вѣчно дѣятельной жизни, жизни оригинальной, достойной глубокаго уваженія, Малороссія имѣла задатки въ будущемъ создать свою собственную художественную литературу и науку, еслибы она вышла побѣдительницей изъ обстоятельствъ, завершившихся переяславской радой въ 1654 году, „на которой, говорить Максимовичъ, была рѣшена окончательно историческая и нравственная необходимость присоединенія Малороссіи къ державѣ русской“²⁾. Въ Москвѣ Малороссія искала поддержки и защиты своей политической жизни, на которую было достаточно иноплемennыхъ и иновѣрныхъ посягателей. Сливаясь-же съ Великороссіей, съ которой у нея и безъ того было много общаго, она должна была, при воздѣйствіи на нее болѣе сильной по-

¹⁾ Малороссія въ ея словесности, „Вѣстн. Европы“, июль, 1870 г., стр. 775.

²⁾ Соч. т. 1-й, стр. 518.

литической организаціи, ассимилироваться съ ней по крайней мѣрѣ до того времени, пока не уляжется въ ней тяжелое прошлое. Быть можетъ, возрожденіе малорусской словесности въ девятнадцатомъ вѣкѣ хотя отчасти слѣдуетъ объяснить и тѣмъ, что сама народность южной Россіи нѣсколько успокоилась отъ непрестанныхъ раздираній, какія она испытывала въ прошломъ вѣкѣ. Какъ-бы то ни было, но обстоятельства политики имѣютъ важное значеніе на развитіе литературы; реформы Петра I-го принесли Россіи большую пользу, но не слѣдуетъ забывать, что при этомъ государѣ окрѣпло и наше политическое могущество... Обращаясь къ вопросу о соединеніи Малой Россіи съ Великой и значеніи этого соединенія, укажемъ еще на историческій романъ г. Кулиша: „Черная рада“. Надо сказать, что авторъ придаетъ своему роману высокое значеніе; опъ, чтобы прочелся его романъ всею Россіей, написавъ его по-малорусски, перевелъ на великорусскій языкъ. Вотъ что говорить онъ о той идеѣ, которая руководила имъ въ собраніи матеріала и въ самомъ сочиненіи ¹⁾: „я подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникой въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненій, я желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и доbazать каждому колеблющемуся уму не диссертацией, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слиянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности. Въ XVIII же вѣкѣ подъ русскимъ вліяніемъ Малороссія окончательно отказалась отъ прежнихъ особенностей своего быта; паденіе гетманскаго управленія и введеніе крѣпостнаго права даже между свободнымъ козацествомъ рѣзкимъ образомъ разрушило тѣнь ея автономіи. Съ тѣхъ поръ Малороссіи предстояла одна перспектива: все больше и больше превращаться въ русскую провинцію, принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и русскую литературу. Съ XVIII столѣтія Малороссія уже дала многихъ писателей этой литературѣ; языкъ ея

1) См. «Черная Рада», соч. Кулиша, «Эпюлогъ».

сталь мѣстнымъ жаргономъ... Для образованнаго класса болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ: Богдановичъ, Калнисть, Гнѣдичъ, Нарѣжный, малоруссы по происхожденію, не вносятъ въ свою дѣятельность ничего малороссійскаго. Гоголь сохранилъ малороссійскія симпатіи, но по широтѣ своихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ; малорусское нарѣчіе не давало ему достаточнаго поприща. Самые-же писатели XVIII вѣка, между которыми выдѣляются Зицовой Климентій и Григорій Савичъ Сковорода, свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ малороссійской литературы; произведенія ихъ отзываются схоластичностью, языкъ ихъ изуродованъ⁴.

Въ XIX вѣкѣ произошло измѣненіе; на причины этого измѣненія мы указали выше. Русская образованность стала распространяться равномѣрно на сѣверѣ и на югѣ; исторія сдѣлалась общею; оставалось дѣло за выработкою и свободнымъ развитіемъ языка. Интересны въ этомъ отношеніи мнѣнія Бѣлинскаго на счетъ языка малорусской литературы; вотъ его общая мысль: „обыкновенно пишутъ для публкии, публка-же собственно состоитъ изъ высшихъ образованнѣйшихъ слоевъ общества; а малороссійское нарѣчіе одно и тоже для всѣхъ сословій—крестьянское, поэтому наши малороссійскіе поэты пишутъ всегда изъ простаго быта и знакомятъ насъ только съ Марусями, Одарками, Прокопами... и тому подобными особами... Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума“¹). О малорусскомъ языкѣ и о правахъ его гражданства говорили и писали очень много; одни указывали на ненадобность его при имѣнніи выработаннаго и наукой и литературой великорусскаго языка, какъ языка общерусскаго; другіе желали его удержатъ на родинѣ, проводя его и въ литературу и въ школу, при чемъ замѣчали, что языкъ выработается и разовьется, пусть будетъ только дапа ему возможность вырабатываться. Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ о малорусскомъ языкѣ полагаетъ его, какъ и всякій языкъ, между читающими (публикой) и пишущими; при этихъ, такъ сказать, факторахъ и возможно прогрессивное движеніе языка; но первые не мыслимы безъ вторыхъ, а слѣдовательно появленіе писателей, постѣдователь-

¹) Бѣлинскій. Соч., т. 5, стр. 310.

ная взаимная ихъ смѣна есть уже существованіе языка и его исторія. Замѣчаніе, что въ малорусской литературѣ не было такого завершителя, который-бы, подобно Пушкину, „положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи малорусской литературы“, быть можетъ и справедливо, но кто-же можетъ сказать, что онъ не появится; а литература существовала вѣдь и до Пушкина. Но намъ важно не объясненіе, а фактъ, что въ началѣ нашего столѣтія въ Малороссіи была своя литература, которая между именами писателей считала Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака, Основьяненка, Шевченка и др., а между ними „первымъ писателемъ, который болѣе непосредственно отнесся къ народнои жизни и основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзи, малороссійскіе критики согласно считаютъ Квитку“¹⁾). Дѣятельность этихъ писателей обновившейся Малороссіи позволила Бѣлинскому отвѣтить на собственный вопросъ: „да, въ Украинѣ есть своя литература“.

Историкъ русской жизни въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ говорить о проявленіи у насъ національнаго сознанія и выработки принципа народности, сдѣлаетъ большой пробѣлъ, если въ должной мѣрѣ не остановится на Квиткѣ. Выше мы сказали, что этотъ писатель „основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзи“; скажемъ теперь объ этомъ подробнѣе. Значеніе и важность изслѣдованія устныхъ народныхъ произведеній знатоки нашей этнографіи Даль возводитъ до степени вліянія ихъ на литературу. Въ письмѣ своемъ къ Квиткѣ онъ говоритъ: „отчего у насъ нѣтъ доселѣ достойной изящной словесности? развѣ мы не тѣ-же люди, что вѣмцы, да голландцы? или у насъ такъ земля родить, да такъ печь печеть? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ по-заморски русскими словами и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ и не могутъ понимать... И лучшія произведенія нашихъ писателей хвораютъ этой болѣзнью; все, что они вышутъ, не русское по духу, не русское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него, какъ на прекрасный переводъ съ иностраннаго, а скажите, что это родное, и вамъ природ-

¹⁾ Пышневъ. Ист. слав. лит., стр. 222.

ный русский скажетъ: неправда!“ Въ другомъ мѣстѣ Даль выражается еще сильнѣй: „по мнѣ, говорить онъ, ужъ пусть-бы лучше припахивало сырьемъ да квасомъ, лишь-бы въ носъ попибало!“ Квитка именно и былъ такимъ писателемъ, который всегда стоялъ на почвѣ роднаго; ободренный вниманіемъ Жуковского, совѣтовавшаго ему не бросать пера, а писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей жизни, онъ щедро надѣлялъ тогдашніе журналы повѣстями изъ украинской жизни. Г. Костомаровъ говоритъ, что „Квитка имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда ему читали произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ“¹⁾. Въ повѣстяхъ этого писателя отразилась Малороссія съ ея природою, нравами и типами. „Живя въ Украинѣ, пишетъ Квитка Плетневу, пріучаясь къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ нубликѣ. Вотъ причина, признается авторъ, вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что онѣ списаны съ природы безъ всякой прикрасы и оттушевки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собой непременно вычурность, подборъ словъ, подробностей, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе... я не произвелъ, а только списалъ“²⁾.

Такія выраженія писателя свидѣтельствуютъ о тѣсномъ его общеніи съ народомъ, въ средѣ котораго онъ жилъ. „Заграничныхъ людей, говоритъ онъ, въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благодравіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ нищцъ для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои „Маруси“, „Оксаны“, „Наумы“, „Мироны“ и „Ситниковы“. Въ

¹⁾ Пoesія славянъ, стр. 160.

²⁾ Данилевскій. Украинская старина, стр. 252.

этой выпискѣ сказывается взглядъ писателя на свою литературную работу и на характеръ ея содержанія. „Еслибы, говорить г. Кулигъ, Гоголю дать тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, то при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его „Вечера на хуторѣ“ были-бы столь-же неизмѣнно драгоценными твореніями, какъ и многія изъ послѣдовавшихъ созданій“. Но и народъ зналъ своего бытописателя; имя его пользовалось широкою извѣстностью. Однажды Гребенка, тогда молодой писатель, проездомъ черезъ Харьковъ, желая посѣтить „ветерана харьковской литературы“, завернулъ къ нему въ Основу и всю дорогу проговорилъ объ Основьяненкѣ съ своимъ извозчикомъ. Гребенка радовался этой извѣстности.

Но Квитка не былъ человѣкомъ широкаго образованія, онъ былъ только талантомъ; обладая способностью подмѣчать и умѣишемъ читать самыя сокровенныя движенія человѣческаго чувства, онъ непосредственно силою своего дарованія какъ-бы психическимъ анализомъ воспроизводилъ въ образахъ, какъ начиналось, складывалось и разрѣшалось чувство. Онъ выражалъ, по словамъ г. Костомарова, „такую глубину, полноту и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу, и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника—Гоголя“¹⁾.

Съ такими качествами души и таланта Квитка долженъ естественно занять видное мѣсто въ небогатой именими малорусской литературѣ; имя его между прочимъ отмѣтилъ и Шевченко въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи: „Бьютъ пороги, місяць всходитъ“... въ которомъ онъ проситъ его напомнить народу о Свѣчѣ, о былой его славѣ, въ которомъ называетъ его „милымъ батькомъ“.

Помимо содержанія значенію повѣстей Квитки и его популярности много служило превосходное знаніе языка. Чужбинскій говорить, что „малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя онъ пишетъ по-русски“. Такое замѣчаніе выразилъ Чужбинскій самому автору; хотя это огорчило старика, но тѣмъ не менѣе въ письмѣ своемъ къ Плетневу Квитка самъ признается, что

¹⁾ Поэзія славянъ.

русскій языкъ не передаетъ вполне красоту малорусскихъ оборотовъ рѣчи. „По случаю, рассказываетъ онъ, былъ у меня споръ съ писателемъ о малороссійскомъ нарѣчїи. Я его просилъ написать что серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ не удобенъ и вовсе не способенъ. Зная его удобство, продолжаетъ Квитка, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться“. Даль-же говорить, что Квитка одинъ изъ первыхъ и лучшихъ рассказчиковъ на родномъ нарѣчїи своемъ.

Основною темою произведеній Основьяненко, часто украшенныхъ свойственнымъ его народности юморомъ, было—по его собственнымъ словамъ—„показать, отчего у насъ зло“. Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношенїяхъ, онъ сходится съ Гоголемъ. „Мнѣ хотѣлось-бы умереть покойно, пишетъ онъ о себѣ; чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе—показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо“. Хотя глухо, но тѣмъ не менѣе достаточно слышно звучить въ этихъ словахъ нота сознанїя незаслуженной обиды. Это еще яснѣй станетъ, когда мы рассмотримъ отношеніе столицы къ провинціи, практиковавшееся въ то время. Высокомѣріе столичныхъ обывателей, такъ громко заявляемое даже въ тогдашней печати и въ рѣчахъ Фамусовыхъ, считавшихъ Саратовъ глушью, чуть-ли не мѣстомъ ссылки, ставило провинціальныхъ писателей въ тяжелое положеніе; наиболѣе всѣхъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Квитка въ своихъ письмахъ. Малороссія, сдѣлавшаяся русской провинціей, притомъ отдаленной отъ сѣверныхъ столичныхъ центровъ, когда-то высылавшая своихъ учителей въ Москву, теперь отошла на задній планъ. На сѣверѣ ее не знали и даже подтрунивали надъ неловкими, нерасторопными жителями; интересенъ рассказъ Квитки въ его романѣ, въ которомъ онъ рисуетъ комическое положеніе украинца, попавшаго въ Петербургъ, гдѣ собираются цѣлыя толпы народа со смѣхомъ смотрѣть на него, какъ-бы на захваченнаго чудовище. Надо и то сказать, что Малороссія иной разъ точно стыдилась сама себя; хотя это высказывалось въ пустой формѣ, но обойти его молчаніемъ не слѣдуетъ. Гоголь говоритъ, что малорусскіе помѣщики, прїѣхавши въ столицу, слѣшили прибавить къ своимъ фамиліямъ, оканчивающимся обыкновенно на *о*, „*одъ*“. Гребенка рассказываетъ о себѣ то-же самое: поступивши въ нѣжинскій музей, онъ долженъ былъ обратить себя изъ Гребенки въ Гребенкина.

Въ наибольшей мѣрѣ въ этомъ отношеніи терпѣла отъ столицы малорусская печать, хотя, принадлежа украинскимъ писателямъ, она являлась и на русскомъ языкѣ. Вотъ надримѣръ что пишетъ петербургскій рецензентъ о романѣ „Панъ Халаявскій“: „есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетвя; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подпучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернкскій ядъ, котораго не боятся даже мухи, и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе вмѣсто общества въ лужу грязи, которая отъ нихъ только распырскивается на читателей и т. д.— все это можетъ казаться замысловатымъ какойнибудь ярмаркѣ!“ Нѣтъ силъ приводить дальше эту трескотню фразъ: кружится голова, отъ нихъ отдастъ чѣмъ-то личнымъ, озлобленнымъ. Мы уже видѣли, какъ относится къ подобнымъ отзываютъ Квитка; они смущали его и стѣсняли его работу. Но надо и то сказать, что сама провинція дѣйствительно не высоко стояла; бюрократизмъ, заявлявшій здѣсь себя особенно, былъ гнетомъ на всякое свободное слово въ литературѣ; свидѣтельства въ этомъ отношеніи нашего автора поразительны. Въ письмѣ къ Плетневу по поводу своего романа о Столбиковѣ, онъ проситъ даже о приостановкѣ печати. „Нельзя-ли, говоритъ онъ, въ заглавіи сказать, что издано сочиненіе какиминибудь буквами X, B, Ч, К или какъ лучше придумайте, что угодно, только-бы не мое или Основьяненки имя. Еще-бы я просилъ, разумѣется, когда уже не возможно приостановить печатаніе, чтобы, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ*, а какънибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барини, которая умничала и безпутно вела себя, сказано, что она *не имѣла волосъ и носила па-*

рикъ; выключите эту примѣту: по справкамъ оказалось, что у одной барини не имѣется волосъ на головѣ, и она носить парикъ; она меня съѣсть, хотя чортъ ее знаетъ, есть у нея волосы или нѣтъ..... А что касается губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда... А полиція что скажетъ? а дворянство? Ужасъ, ужасъ, ужасъ“¹⁾! И самъ Квитка, хотя понималъ, что въ столицахъ нельзя изучить простоту народной жизни, что толки народные тамъ другого рода, однако отдавалъ должное тому обществу членовъ, котораго соединяли интересы болѣе широкіе и котораго нельзя было найти въ провинціи. Но и въ этомъ случаѣ въ чувствѣ его была должная мѣра. „Перечитывая журналы, гворить онъ, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ жизни, старанія достигнуть своей цѣли. А любопытно было-бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты; но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ! кажется послѣднее употребилъ-бы на дорогу, тотчасъ-бы явился у васъ, рассказалъ-бы, что на душѣ, послушалъ-бы васъ, да и назадъ ѣхать“²⁾! Слѣдовательно поприще его было не вдали отъ провинціи; онъ не хотѣлъ оставаться въ столицѣ, въ ней для него не все слилось, что было мило. Здѣсь-же на родинѣ завѣтною мыслью Квитки было, между прочимъ, составленіе для простонародія краткаго свода уголовныхъ законовъ съ цѣлью выяснить поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горькія ошибки невѣжества; а также составленіе листовъ, т. е. писемъ до любезныхъ земляковъ—родъ поучительныхъ посланій на малороссійскомъ языкѣ къ простонародію, за что онъ получилъ благодарность отъ правительства.

Картину застоя провинціальной жизни Квитка изобразилъ въ своей пятиактной комедіи „Пріѣзжіи изъ столицы“. Замѣчательное дѣло! Комедія эта и ходомъ дѣйствія и фигурами лицъ при чтеніи ея разительно напоминаетъ „Ревизора“ Гоголя. Здѣсь тоже дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣзжаетъ мнимый ревизоръ, тѣ-же перенуганные лица съ своими „грѣшками“, съ двумя пріятными дамами, которыя также влюбляются въ „милашку“ ревизора. И тутъ вся кутерьма поднимается ради полученнаго темнаго, сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города. Чиновники

¹⁾ Данилевскій. Укр. стар., стр. 260.

²⁾ Тамъ-же, корреспонденція Основьян. стр. 265.

также представляются ревизору и даютъ ему въ займы деньги. Какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества, о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ при развязкѣ происходитъ такая-же нѣмая сцена, и всѣхъ какъ громомъ поражаютъ слова частнаго пристава о по-вомъ—настоящемъ ревизорѣ: „вотъ бумага отъ губернатора съ жандармомъ присланная!“ говоритъ онъ. Такова сѣтъ, на которой построена пьеса Квитки. Здѣсь не мѣсто разбирать, было-ли у Гоголя заимствованіе; скажемъ только одно, что Гоголь въ перепискѣ своей говоритъ, что онъ даже не слыхалъ о ревизорѣ Основьяненка. Не подлежитъ сомнѣнію только то, какъ говоритъ Аксаковъ, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи очень широко и дали авторамъ мысль написать сходныя комедіи; для провинціальной жизни это фактъ знаменательный.

Современная Квиткѣ критика не обошла молчаніемъ его произведеній, по отношенію ея высказались въ какомъ-то великодушномънисходительномъ тонѣ, хотя и съ признаніемъ достоинствъ. Бѣлипскій въ короткихъ характеристикахъ всюду ставитъ имя Квитки высоко; повѣсти его въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей называетъ „прекрасными, интересными, занимательными, остроумными, живыми и проч.“, но называетъ какъ-бы мимоходомъ; упомянувъ объ Основьяненкѣ, онъ спѣшитъ отдѣлаться коротенькой похвалой и идти дальше. Надо сказать, какъ это отчасти было замѣчено раньше, что Бѣлипскій не признавалъ необходимости малорусской литературы; говоря о самомъ языкѣ, онъ доказывалъ, что малорусскій языкъ когда-то существовалъ, а теперь его уже нѣтъ. „Какая глубокая мысль, замѣчаетъ критикъ, въ этомъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, все-таки сталъ писать по-русски, а не по-малороссійски! Но Гоголь, продолжаетъ онъ, не совѣмъ можетъ служить примѣромъ. Тѣмъ не менѣе жаль видѣть, когда и мелкое дарованіе *попусту тратитъ* свои силы, пиша по-малороссійски—для малороссійскихъ крестьянъ... Въ самомъ дѣлѣ содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора“¹⁾. Такъ говоритъ Бѣлинскій, разбирая малороссійскій альманахъ „Ластовка“.

1) Соч. т. 5, стр. 309.

Писать по-малороссійски, писать для народа или изъ жизни на его собственномъ нарѣчїи Бѣлинскій называлъ „по-пусту тратить время“; но Бѣлинскій вѣроятно того не зналъ, какъ популярны были напримѣръ рассказы Квитки въ средѣ народа, какое доставляли они удовольствіе своимъ читателямъ, или какое дѣйствіе производятъ нѣси Шевченка... Поэтому только и могъ написать Бѣлинскій, разбирая „Современникъ“, слѣдующія строки: „изъ прозаическихъ статей особенно замѣчательна „Солдатскій портретъ“ Грицька Основьяненка, прекрасно переведенный съ малороссійскаго г. Луганскимъ“; дальше критикъ прибавляетъ: „увѣряемъ почтеннаго Грицька Основьяненка, что если-бы онъ написалъ свои прекрасныя повѣсти по-русски, то, не смотря на мудреную для выговора фамилію своего автора, онъ доставили-бы ему гораздо большую извѣстность, нежели какою онъ пользуется на Руси, лиша по-малороссійски“. Такимъ образомъ отзывы Бѣлинскаго можно резюмировать въ слѣдующей формѣ: Квитка обладаетъ полнымъ правомъ на широкую извѣстность въ Россіи, но не хочетъ пользоваться имъ въ должной мѣрѣ. Въ Бѣлинскомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ ревнивое желаніе видѣть въ лагерѣ русской литературы возможно большее число талантливыхъ писателей; такое желаніе весьма понятно, оно понятно было также и въ той бесѣдѣ друзей, когда было выражено сожалѣніе о томъ, что Марко Вовчокъ пишетъ свои произведенія какъ на малорусскомъ, такъ и на великорусскомъ языкѣ. Говорять, что на это сожалѣніе Шевченко сказалъ: „пускай пишетъ хотя по-самоѣдски, но лишь-бы то, что написано, была правда!“ Но вѣдь Квитка писалъ тоже и по-русски, и мы слышали, какъ отзывался о его русскихъ повѣстяхъ Чужбинскій, а вотъ что говоритъ самъ авторъ ихъ въ письмѣ къ Плетневу: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски и совершенно по-русски, точно такъ, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтенїи, и что-же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а рускіе... зѣваютъ и находятъ маскарадомъ; выраженія не свойственныя обычаямъ; изъясненія не свойственныя національности, дѣйствія характерамъ, хотя, правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ имъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполне красоту малороссійскихъ оборотовъ“.

Совѣтъ не такъ, какъ Бѣлинскій, относился къ малорусской словесности другой нашъ критикъ; если первый желаетъ въ Россіи видѣть только великорусскую литературу, то второй признаетъ полное право гражданства и за малорусскимъ языкомъ. Мы разумѣемъ Добролюбова, который говоритъ: „появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малорусской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи. Его произведеніе интересно насъ совершенно не зависимо отъ спора о томъ, возможна-ли малорусская литература... Само собой разумѣется, продолжаетъ онъ, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому народу, въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній“¹⁾. О Полевомъ самъ Квитка говоритъ, что онъ воскуривалъ ему оміама.

Изъ всѣхъ повѣстей Квитки больше всего подвергался критическому разбору, или лучше критическимъ замѣчаніямъ, его романъ „Панъ Халевскій“,—замѣчаніямъ, не всегда лестнымъ для автора. Г. Данилевскій говоритъ, что „два журнала стали систематически его (Квитку) преслѣдовать. Чтобы представить образецъ этихъ мнимошуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ „Библиотеки для чтенія“ за 1841 г., январь мѣсяцъ, отрывокъ изъ литературной лѣтописи, гдѣ говорится о названномъ романѣ и его авторѣ: „это, должно быть, ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора и шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій ихъ посредствомъ печати“.

„Я называлъ его писателемъ и тутъ-же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло отъ того, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненко, иные уже говорятъ просто Основьяненко, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... на меня эти пошлости (говорится о произведеніяхъ) Квитки наводятъ скуку и уныніе“.

Скромный, застѣнчивый и мягкій по характеру, въ то время уже старикъ, Основьяненко съ грустью переживалъ такіе отзывы; „онъ, говоритъ его біографъ, отказывался впередъ печатать, просилъ возвратитъ все посланное въ журналы и сборники и огорченію

¹⁾ Добролюбовъ. Соч., т. IV, стр. 333.

его не было предѣловъ“. Бѣлинскій о „Панѣ Халявскомъ“ отозвался нѣсколько съ другой стороны въ письмѣ своемъ къ редактору „Отеч. Записокъ“; онъ говоритъ: „Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнить. Это не творчество, а пшучная работа, сборъ анекдотовъ... Впрочемъ, добавляетъ онъ, для журнала „Халявскій“ кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя“.

Группируя отзывы о произведеніяхъ Квитки, можно расположить ихъ на три отдѣла; одни изъ нихъ принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которыя почему-либо соприкасались съ самою малорусскою національностью—это отзывы положительные; всѣ они ставятъ и личность автора и его сочиненія на высшую степень значенія; другіе принадлежатъ тѣмъ сѣвернымъ рецензентамъ, которые не угадывали сущности содержанія повѣстей Квитки, мало знали самую народность Малороссіи—это отзывы отрицательные; наконецъ третій отдѣлъ миѣній, которыя признаютъ въ самомъ писателѣ талантъ, большую способность наблюденія и больше говорятъ объ авторѣ, чѣмъ о его произведеніяхъ. Мы держимся того миѣнія, что писатель, основывающій свои литературныя произведенія на этнографическомъ знаніи, на глубокомъ пониманіи языка, на умѣнн живо воспроизводитъ движенія человѣческаго чувства, самъ владѣющій искрою поэтическаго огня, достоинъ изученія и близкаго знанія его произведеній тѣмъ кругомъ, которому по преимуществу была посвящена его литературная дѣятельность.

Но Квитка примѣчательнѣе не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, какъ дѣятель на другихъ поприщахъ. Нравственная личность этого человѣка сложилась изъ суммы самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ элементовъ. Память о Квиткѣ живетъ доселѣ между людьми, знавшими и любившими его, которые когда-то бесѣдовали съ нимъ въ его любимой Основѣ. Мы перецишемъ письмо П. И. Костомарова, въ которомъ съ достаточною полнотою выскажется личность Григорія Ѳедоровича. „Съ Г. О. Квиткою, говорится въ письмѣ, я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 годъ. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, съ однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ выжегъ фейерверкомъ); съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ, принимавшій по-

сѣгителей въ гостиной, въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ съ каменною оградой, на необозримомъ, почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольского; мебель очень простая, тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣть въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ отбѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя себѣ другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался потомъ, что у него зачитывали. Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводаемой. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до „анекдотовъ“, никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самихъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Не смотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикою.. Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти“. Жизненная карьера Квитки подвергалась самымъ крайнимъ перемѣнамъ; на 15-мъ году онъ поступаетъ въ военную службу, затѣмъ переходитъ въ гражданскую, которую потомъ оставляетъ снова для военной. Но точно ~~тѣмъ до чего онъ не желалъ~~ ~~заблудился~~ онъ таитъ въ душѣ своей желаніе

уйти изъ міра въ удиненіе, ищеть подвига и наконецъ, задумчивый, мечтательный съ примѣсъю мистицизма, на 23 году онъ поступаетъ въ монастырь, гдѣ остается послушникомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Но прошли эти четыре года; мечтанія разсѣялись; Квитка измѣнилъ своему желанію. И какая игра судьбы! Изъ скромнаго монаха, нѣкогда читавшаго каноны, изъ какого-то святоши Квитка вдругъ является передъ зрителями на сценѣ театра въ самой веселой комической роли. Страсть къ театру, къ музыкѣ поглотила на столько-же сильно умъ странно развивавшагося молодого человѣка, какъ нѣкогда страсть къ трудности монастырской жизни. Затѣмъ съ тридцатаго года его жизни начинается рядъ тѣхъ полезныхъ дѣяній, которыя дали Квиткѣ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія южной Россіи. Онъ дѣятельно работалъ на пользу образованія и по порученію правительства открылъ харьковскій институтъ для дѣвицъ (первый на югѣ Россіи), которому, по словамъ Срезневскаго, припесъ въ жертву почти все достояніе свое, заботился также о театрѣ, оставаясь въ то-же время то директоромъ танцевальнаго клуба, то правителемъ общества благотворенія, то предводителемъ дворянства, основалъ первый украинскій литературный журналъ, былъ энергичнымъ литературнымъ дѣятелемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ провинціи. Можно судить по этому, сколько энергии и жизни было въ этомъ человѣкѣ, сколько добрыхъ побужденій таилось и воплощалось на дѣлѣ! Вотъ какъ обобщаетъ нравственный портретъ Квитки г. Данилевскій: „Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ, — четыре года монахъ, затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни, дѣятельный членъ благотворительнаго общества и директоръ странствующей труппы актеровъ, основатель института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала, директоръ танцевальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ и въ то-же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ... наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!“

Не ускользнуло это противорѣчіе качествъ и отъ эниграммы, и въ ту-же пору чрезвычайно широко обошло мѣстность слѣдующее четверостишіе:

*„Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный языкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель
Одинъ и тотъ-же человекъ!“*

Убѣжденія Квитки, если еще нужно объ этомъ говорить, были демократическія; принципъ народности былъ основнымъ принципомъ его жизни и дѣятельности.

Н. Марковъ.

1883 года.

Елсаветградъ.